

СТАТЬИ

БЕЗ ВЕСТИ?..

Навечно в памяти народной

ущий ныне в Риге бывший начальник оперативного отдела дивизии А. Я. Ольшвайгер написал нам, что командование дивизии ежедневно докладывало в Кремль о готовности самолетов.

Александр Иванович Панфилов, тридцатитрехлетний командир корабля, со своим экипажем познакомился в городе на Волге на заводском аэродроме. Народ подолбался стоящий. Вторым пилотом у него оказался старший лейтенант Максим Иванович Антипов, удостоенный ордена Красного Знамени за финскую кампанию, штурманом — старший лейтенант Григорий Степанович Валошобо. Бортиженер, воентехник I ранга Аглим Гайнутдинович Гайнутдинов пришел из НИИ ВВС. Бортехник Василий Ефимович Тошкин, воентехник I ранга, получил орден Красной Звезды тоже за финскую. Еще два офицера в экипаже — носовой стрелок лейтенант Иван Владимирович Шатров и кормовой стрелок младший лейтенант Станислав Иванович Кизлов. Остальные члены экипажа были сержантами: бортрадист Василий Иосифович Станевский и стрелки — Константин Васильевич Шарльков, Георгий Александрович Кирьялов и Михаил Михайлович Крысин.

«Т-7... выстроились в ряд на аэродроме завода. Сотни инженеров и механиков, летчиков и оружейных мастеров туднялись дни и ночи напролет, чтобы привести их в боевую готовность. Счет рабочим часам уже не велся...»

(Из воспоминаний Э. И. Пусалга).

В первых числах августа комбриг Водопьянов доложил, наконец, в Ставку: дивизия готова к ведению боевых действий. Комдива вызвали в Москву. На листе бумаги в клетку Верховный Главнокомандующий синим карандашом написал: «Тов. Водопьянову...» Это был первый боевой приказ дивизии — нанести удар по Берлину. И этот небольшой листок открывает «дело» 81-й авиадивизии, хранящееся в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске.

Поздним вечером 9 августа 1941 года на аэродроме подскока в Пушкине под Ленинградом заурчали моторы. В 22.00, замыкая колонну, в воздух поднялся самолет Александра Панфилова. Для этого экипажа первый боевой вылет оказался последним...

Вместе с другим финским журналистом Раймо Лайне один из нас пылавшим летом садил в местечко Лаппиярви, расположенное примерно в ста километрах от Хельсинки. На автобусной станции зашли перекусить в кафе. За стойкой бара стояла пожилая женщина. Не помнит ли госпожа Ула

Колка, так ее звали, как осенью 1941 года в этих местах упал советский самолет?

— Как же, я сама ходила смотреть его остатки, — ответила она. — Ночью послышался громкий гул, утром я узнала, что упал советский бомбардировщик. Все, кто в нем был, оказались мертвыми, хотя нет, кажется, кто-то остался в живых...

Госпожа Колка подсказала, что живущий недалеко от автобусной станции Тико Бломквист будто бы хоронил погибших летчиков...

Тем временем работники Управления кадров ВВС Советской Армии отыскивали карточки на членов экипажа. Увы, сведения оказались крайне скудными: «не вернулся с боевого задания», «пропал без вести». И все.

Иван Васильевич Лисицын, один из участников того самого налета на Берлин, до войны работал вместе с Аглим Гайнутдиновым в НИИ ВВС. Он-то и подсказал адрес семьи пропавшего без вести бортиженера: город Фрязино Московской области. Встретил в вдовой летчицы Рахимов Мухамедович и дочерью Розиндой, вженером одного из под-

московных предприятий, описать трудно. Нет для этого подходящих слов... Мы долго листали альбомы с фотографиями. Вот снимок, подобное которому есть, без сомнения, в каждой семье: муж, жена, ребенок — девочка с большим бантом. Счастливые лица. Как же мало счастья отпустила им жизнь!

Точно такую же фотографию, сделанную в 1940 году в Новгороде, привезла на днях в редакцию Дина Васильевна Лалетина, техник из Ленинграда, дочь бортехника Тошкина.

«Отцу, как ни странно, дали отпустить в начале июня сорон первого. Из Бобринска мы приехали в Ленинград. И тут — война. Что делать? Отец отвез нас и маминных родителей в деревню Радони под Новгородом, а сам — снова на фронт. В часть свою возвращался. Мы с мамой провожали его. Поезд подошел, он обнял нас и долго стоял

на подножке... А что с нами стало? Лучше не вспоминать. В августе уже гитлеровцы пришли в деревню...»

(Из рассказа А. В. Лалетиной).

Носовым стрелком в экипаже Панфилова летел Иван Шатров, уроженец Калининской области. Работница паспортного отдела областного управления внутренних дел Л. И. Кашина сообщила в редакцию, что в селе Старая Торона отыскался двоюродный брат летчика, тот подсказал московский адрес родного брата Шатрова, а уж он дал такие сведения: Иван женился в тридцать шестом году, уехал потом в Москву, а оттуда — в Челябинск, в военное училище. Родители а жена Ивана, когда началась война, жили в Старой Тороне, где и погибли в оккупации.

Второй пилот Максим Антипов родился в селе Зваричи на Смоленщине. Работяки Краснинского района партии смогли установить лишь адрес двоюродного брата летчика, живущего в подмосковном деревне Юрьево. С помощью Можайского отдела внутренних дел выточка проткнула в подмосковную Опалуху к родной сестре пи-

но в тот день, когда упал самолет, а вместе с братом Хьялмаром отправился на место катастрофы. Шококоронки приказали нам копать могилу.

— Сколько человек вы похоронили?

— В самолете их было, кажется, одиннадцать. Шестеро погибли. Пятерых похоронили сразу же. Потом Хьялмар случайно нашел под огромным валуном еще одного мертвого летчика. Мы его похоронили вместе со всеми.

— Я заготавливал тогда дрова из деревьев, полумертвых самолетом при падении, — поясняет Хьялмар Бломквист. — Летчика вытащили из-под камня. На поясе у него висел наган, в кармане был складной нож, а в кошельке — фотография молодой женщины.

— Самолет был четырехмоторный, размах крыльев метров сорок, а шагами мерил, — перебивает Тико брата. — Он разломался, но хвостовая часть длиной семь-восемь метров осталась целой. При снижении самолет левым крылом зацепился за саль, его развернуло. И тут же он врезался в валуны...

День за днем расширялась сфера поиска родных погибших летчиков. На хуторе Веселом, что в Ростовской области, по имеющимся у нас сведениям, живут родственники воздушного стрелка Михаила Крысина. Из подмосковного города Долгопрудного в редакцию приехал родной брат бортрадиста Василия Станевского — подполковник запаса В. Станевский. Он сообщил, что Василий после школы — родом он из белорусского города Борисова — поступил в Московский авиационный институт. Прочувал немного и был призван в армию, окончил курсы радиостов, стал летать. Отец не дождался какого-либо известия о сыне — несколько лет назад умер...

Не дождался вести о сыне, Косте Шарлькове, башенном стрелке, и его старушка мать умерла она два года назад. Заведующий отделом пропаганды Павловского-ва-Оке горкома партии А. М. Семиков прислал нам фотографию красивого молодого человека. В Павлове сейчас живет сестра война — А. В. Белая.

А что же известно о семье командира, Александра Ивановича Панфилова? Его жена, получив в августе сорон первого похоронку, умерла неделю спустя. Немного пережила ее и мать пилота...

По сей день мы не располагаем какими-либо сведениями, кроме, разумеется, картотечных, о штурмане Григории Валошобо, родившемся в селе Гора под Новгородом, и воздушном стрелке ленинградце Георгии Кирьялове.

В Финляндии все, что можно было выяснить, мы выяснили. Вплоть до того, что вылетел в плен Антипов, Шарльков, Кирьялов и Крысин отправили в распределительный лагерь воинопленных № 1, где они были расстреляны и захоронены в общей могиле близ поселка Настола (по справке военного архива). Кизялов же чудом ушел. Он вернулся из плена, некоторое время служил еще в армии, после демобилизации жил в Ленинграде, где спустя двадцать лет после войны погиб в результате несчастного случая.

Осталось побывать на месте катастрофы ПЕ-8. Хьялмар Бломквист вызвался нас проводить. Примерно в километре мы ехали по лесной дороге. Потом местность стала настолько болотистой, а проложные трактором колеи столь глубокими, что машину пришлось оставить и продолжить путь пешком. Пройдя более километра, мы вышли к месту, где рос молодой лес. Бломквист показал большой камень: в него и врезался самолет. Вокруг валялись оплавленные куски металла, обломки каких-то труб и другие металлические предметы, обрывки пулеметной ленты.

Бломквист показал место, где он нашел под камнем тело погибшего летчика, и, наконец, небольшую ложбинку на поляне — последнее пристанище шести летчиков.

...Вот и конец этой истории, растянувшейся на сорок с лишним лет.

Сорок один год спустя мы можем восстановить картину первого и последнего боевого вылета экипажа Панфилова. Вскоре после взлета самолет попал под сильный зенитный огонь. Повреждения оказались серьезными, а главное, был убит командир. Пролетев около четырехсот километров над Финским заливом, самолет начал разворот в сторону дома. Оставив луту на южной части Финляндии, бомбардировщик, на бречу которого, как всему прочему, начался пожар, рухнул, не долетев какой-то малости до границы. А другие экипажи до Берлина дошли...

Матти ПЮКЯЛА.

(Корр. газеты «Тиедонангала».)

Александр ГОРХОВ.

(Спец. корр. «Правды».)

Хельсинки — Москва.

На снимке: А. И. Панфилов принимает поздравления по случаю налета миллиона километров. Ашхабад, 1939 год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Возвращение

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Опубликованный 3 ноября 1982 года в «Правде» материал «Без вестий...» вызвал отклик читателей. Речь шла о том, что 10 августа 1941 года в бою за Берлин — не вернулся тяжелый бомбардировщик ТБ-7 (ПЕ-8) из дивизии М. В. Водольянова, командиром которого был Александр Панфилов. Спустя десятилетия удалось отыскать в Финляндии место падения самолета и захоронение погибших при посадке советских летчиков, числящихся пропавшими без вести.

Шестеро пилотов погибли при посадке, а пятеро попали в плен. О судьбе четверых из них в финских военных архивах не сохранилось ни строчки!

Считалось, что второй пилот Максим Антипов и бортстрелки Константин Шарыков, Георгий Кириллов и Михаил Крысин погибли в лагере для военнопленных.

И вот письмо: «Собираю вам, что одним из членов экипажа ТБ-7 (ПЕ-8), потерпевшего аварию на территории Финляндии, был и — Крысин Михаил Михайлович...»

Три с половиной часа на посадке со стюардесс Павелецкого вокзала до горняцкого поселка Грицовский, что в Тульской области. И вот мы знакомимся с человеком, которого — ведь прошло столько лет — в предисловии материала «похоронили».

...Вскоре в Центральном Доме Советской Армии назначили сбор ветераны авиации давшего действия. Телеграммы об этой встрече мы, естественно, послали в Грицовский. И Крысин приехал. В первый раз в своей простоте послевоенной жизни, впервые после того, как в одночасье переменилась она тогда, срок один год назад. Михаила Михайловича, принарядившись, наделив все свои семь медалей (первая из них — «За победу над Германией», остальные получены за работу в мирное время), конечно, возмужав, похода к зданию на площади Коммуны. Чувства одолевали его сложные, слов нет. Из газет знал, что ветераны, особенно в последние годы, регулярно встречаются. Хотелось и ему написать, дать о себе знать.

но куда писать, кому? Чего людей зря беспокоить... Так и шла жизнь. Четверть века после войны добывал он уголь на шахтах Тульской области, потом вышел на пенсию, сейчас — слесаря на разрезе «Трмзловский». Вместе с женой Марией Григорьевой растелил сыновей, четверо у них.

Но вдруг — статья в газете! Письмо Крысина в редакцию оказалось в первой же папке откликов.

И вот встреча с однополчанин. Глядя на них, он словно возвращался в прошлое, в свой полк, свою эскадрилью, в свои «бориспольцы». Когда началась война, Крысин служил под Киевом бортстрелком. Есть и его малая толика в боевых действиях авиации дальнего действия, экипаж его тихоходного ТБ-3 выполнял несколько ночных боевых вылетов. Пока не поступил приказ «переселиться на новейший ТБ-7 и жить в город на Волге, в дивизию Водольянова на формирование... Корнилов Михаил Тимофеевич, бывший старший инженер эскадрильи, Додонов Александр Сергеевич, Герой Советского Союза, Агабеков Ментор Давидович, бывший второй пилот у Додонова... Бориспольцы.

Подходит и подходит однополчанин, представляются, жмут руки. Анастасия Федоровна Зайцева, медсестра Аса, из его же, 432-го полка. Не она ли провожала экипаж, когда шли сдвигаемые самолеты там, на волжском аэродроме? Амурон Сергей Иванович, бывший старший инженер полка. Сугах Сергей Савельевич, Герой Советского Союза, поднявший в точности такой же ТБ-7, на каком летал сержант Николай Владимирович Васильевич, бывший комиссар его эскадрильи.

Но расскажем о нашей встрече с ветераном. До поздней ночи спелись в Грицовском окне квартиры Крысинных. Память уносила сержанта и город на Волге. Там и попал он в экипаж Панфилова. Крысин подолгу разглядывал старые фотографии, которые

мы привезли к нему (их прислали в редакцию родственники членов экипажа ТБ-7). Нет, не вспомнить. Только вот, пожалуй, бортстрелок Васил Ставровский. Точно, он с ним рядом на корабле сидели: Крысин в «башне» с пушками, Василдик чуть ниже, в фюзеляже.

Он читал письма, привешенные в «Правду» от землячков ему людей, разбредившие давнюю боль.

«Конечно, не «небольшая лямбда» должна обозначать законченное летание, а гражданские обязанности — участие войны. Николай Тимофеевич Соинин из Киева, «Агелек» бы, чтобы на месте гибели самолета и экипажа был сооружен памятник», — говорит ему кандидат технических наук Елена Сергеевна Жинда из подмосковного Фрязина.

Так как же все было? — Вылет из Пушкина в запомним хорошо, — рассказывает Михаил Михайлович. — 9 августа, ближе к вечеру, нас построили, зачитали приказ Верховного Главнокомандующего. Мы взлетели последними, помню, прямо на бывший лед. На часах еще глянул: одиннадцатый час вечера. Только взлетели, прожекторы нас осветили. Тот, кто подобно пережил, знает: при этом свете иголку можно на борту отыскать. Тут кто-то из наших, наверное, штурман Долобонок, две ракеты условные выпустил. Прожекторы потаски. И пошли мы дальше, набирая высоту. Один-единственный...

Прервал на минуту бывшего бортстрелка. В первом материале мы писали, что никаких сведений, кроме картографических, о Григории Степановиче Волобонок не располагали. Оказывается, в Витебске живут вдова штурмана Татьяна Александровна и двое его сыновей.

«Отец окончил летное училище в Оренбурге», пишет в редакцию Аркадий Волобонок, младший сын. — Война застала нас в Тонисси, отец служил там. Был он членом ВПНП, штурманом экипажа. Написал рапорт, и его зачислили в дивизию Водольянова. Все эти годы с личным лет мы не видели надежды получить никаких сведений об отце...»

Кстати, из литовского города Друскининкай подал весточку К. И. Круковский — товарищ командира ПЕ-8 Панфилова по работе в Средней Азии.

Итак, одиночный самолет, пройдя Дужскую губу, исходный пункт маршрута, в скорости 380 километров в час устремился на запад. Высота — 6.500 метров, экипаж падал кислородные маски.

— Разговоры на борту не было никаких, моторы тинули ровно, — продолжает рассказ Крысин. — Я поглядывал из своей башни. Все спокойно, только звезды над головой. Первый час ночи пошел. И тут,

разбрасывает. Потом винт — раз — и встал! Пожара на борту не было, а вот повреждение, видимо, было серьезное. Минут двадцать — тридцать шли на трех моторах. Тут и первый справа заискрился и вскоре встал. Машину развернуло — и вниз. Помню, успел я еще в фонарь высунуться, взглянуть — макушки деревьев. Да на часах посмотрел — самое начало третьего. И здесь мы упали. Меня шмырнуло вперед, обо что-то ударило, и я потерял сознание. Очнувшись, по жару, как днем, оказывается, по жару, с трудом дополз до двери на левом борту. Глазнул вниз — там Антипов, Кириллов, Шадилюков и Кириллов.

Увы... Наше предположение о судьбе Антипова, Шарыкова и Кириллова, высказанное ранее, так пока и остается предположением.

Тогда, летом сорок первого, попавшие в плен пилоты не могли, конечно, знать, что 21 августа в «Правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым среди других участников первых вылетов на Берлин командир Панфилов и второй пилот Антипов были награждены орденами Красного Знамени, а бортстрелки Гайнутдинов — орденом Красной Звезды. Высокие награды так и остались неврученными.

Гвардейский бомбардировочный полк, в котором служил Крысин, существует и сегодня. В недавнем обновлении личного состава полка к авиаторам ВВС есть такие слова: «Мы служим под гвардейским боевым знаменем полка, экипажи которого в суровые дни сорок первого года наносили боевые удары по военным объектам Берлина. В части вырашено 11 Героев Советского Союза. Наш долг — приумножать славные традиции фронтовых асов».

В полку свято берегут память о военном времени. Вот и еще один ветеран, из самого-самого первого состава части, откликнулся. Бывший бортстрелок сержант Крысин обязательно придет в свой полк.

Матти ПЮКЯЛЯ,
(Корреспондент финской газеты «Йеидонитая»),
Алексей ГОРОХОВ,
(Спец. корр. «Правды»),
Тульская область — Москва.

На снимке: М. М. Крысин (первый справа) среди ветеранов АДД. Январь 1983 года. Фото авторов.

не могу сказать где, попали мы под прожекторы в зенитки. И что-то произошло на борту. Слышу, Жора Кириллов, стрелок, он сидел справа под ближним к фюзеляжу мотором, докладывает:

— Командир! У меня в лодку масло течет! Ему отвечаю: — Будь осторожнее! Смотрите, чтобы масло не попало на кислородную маску. Взвормей!

Вдруг почувствовал, что самолет вымыл. Значит, бомбы сбросили. И в крен вошла — разворачиваться стали. Посмотрел на правую сторону и обомлел: с того мотора, под которым Кириллов сидел, будто кто-то искры горстями

Кричат мне: прыгай! Иди я не мог. Я их просил: оставьте меня, идите сами, коть уайните, где находимся. А они: нет, мы тебя не бросим. Стали мы потихонечку проваливаться. Крутом болота. Набрела, помню, на какие-то пожелтые деревья, сели передохнуть. Тут нас и взяли...

Через несколько дней, стоявших на допросах и пересадках из одного города в другой, судьи различила их наскелы. Крысин попал в лагерь для военнопленных под Кемь, что на севере Ботнического залива. И больше ничего уже не слышал о своих товарищах.

Дочь второго пилота Антипова Елена Васильевна Штану-

лина из города Николаева пишет в редакцию: «Сильно еще своей не знаю ничего о судьбе своих друзей, отцов, дядов. Сильно матерей так и не узнаю, где их сыновья, не дождались их, а ведь всех пропавших кто-то из них под ищет!»

Увы... Наше предположение о судьбе Антипова, Шарыкова и Кириллова, высказанное ранее, так пока и остается предположением.

Тогда, летом сорок первого, попавшие в плен пилоты не могли, конечно, знать, что 21 августа в «Правде» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым среди других участников первых вылетов на Берлин командир Панфилов и второй пилот Антипов были награждены орденами Красного Знамени, а бортстрелки Гайнутдинов — орденом Красной Звезды. Высокие награды так и остались неврученными.

Гвардейский бомбардировочный полк, в котором служил Крысин, существует и сегодня. В недавнем обновлении личного состава полка к авиаторам ВВС есть такие слова: «Мы служим под гвардейским боевым знаменем полка, экипажи которого в суровые дни сорок первого года наносили боевые удары по военным объектам Берлина. В части вырашено 11 Героев Советского Союза. Наш долг — приумножать славные традиции фронтовых асов».

В полку свято берегут память о военном времени. Вот и еще один ветеран, из самого-самого первого состава части, откликнулся. Бывший бортстрелок сержант Крысин обязательно придет в свой полк.

Матти ПЮКЯЛЯ,
(Корреспондент финской газеты «Йеидонитая»),
Алексей ГОРОХОВ,
(Спец. корр. «Правды»),
Тульская область — Москва.

На снимке: М. М. Крысин (первый справа) среди ветеранов АДД. Январь 1983 года. Фото авторов.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Гвардейцы

БОЕВОЕ ЗНАМЯ. Михаил Михайлович Крысин, бывший бортстрелок с того самого ТБ-7, дочитал до конца официальное письмо с синим штампом в левом верхнем углу и сказал жене:

— Мама! Доставь выходящий костюм!

Мария Григорьевна подошла и шаффу. Звякнули медали.

— Может, почистить их?

— Не надо, — глухо ответил Михаил Михайлович.

И как сидел за большим обеденным столом под немудреным светлячком, положив руки на скатерть, так и остался снагнет, устремив взор свой куда-то в пространство, словно в глубины быстротекущего времени и дали памяти.

Письмо, пришедшее в горняцкий поселок Грицовский в Тульской области, заканчивалось так: «Командование и совет ветеранов Гвардейского бомбардировочного авиационного полка приглашают вас принять участие в праздновании Дня Победы...» И подписи: командир полка гвардии подполковник В. Татарченко, председатель совета ветеранов А. Заболотский.

Что тут скажешь? В последний раз Крысин стоял под боевым знаменем своего полка в августе далекого сорок первого, на аэродроме в Пушкине под Ленинградом, когда командующий ВВС РККА П. Ф. Жигарев зачитывал экипажам, вылетавшим бомбить Берлин, приказ Верховного Главнокомандующего. И он, молодой тогда парень, не мог, конечно, представить, что следующая встреча со святыней, со знаменем, состоится по независящим от него причинам только сорок два года спустя.

Мерно катил поезд. Путь неблизкий. Крысин раз за разом выходил в тамбур и все курил и курил свой «Беломор»...

Человек двадцать ветеранов бомбардировочного полка, и Крысин в их числе, стояли перед застывшими парадными шеренгами. Над пламенем разнеслось: «Смирно-о-о», — и Вячеслав Николаевич Татарченко, гренадерского роста подполковник, строевым шагом направился к ветеранам. Тут произошло неожиданное, по крайней мере для нас, гостей праздника. Командир подошел и четко доложил:

— Товарищ сержант! Полк в честь вашего прибытия для встречи с боевым знаменем части остроен!

Без преувеличения, дрогнули лица ветеранов, раздвинулись плечи, отягощенные шажками с боевыми наградами и несколько явлов, увидели мы, как победил испредупрежденный Крысин, по щекам его потекли слезы. Ему достало сил дрогнувшим голосом поздороваться со своим полком и услышать громовой ответ. Потом он подошел к приспущенному знамени и схоронил лицо в ласковом шелке.

ГАРИБАЛЬДИЕЦ. Незадолго до поездки в бомбардировочный полк мы разбрили в редакции «Правды» очередную папку писем, связанных с рассказанной ранее историей пропавшего без вести экипажа.

Из Брэнска пришла весточка

Навечно в памяти народной

3 ноября прошлого года и 25 февраля нынешнего «Правда» опубликовала материалы, озаглавленные «Без вести?» и «Возвращения». Они были посвящены трагической судьбе экипажа советского тяжелого бомбардировщика ТБ-7 (ПБ-8), одного из тех, которые летали бомбить Берлин в августе 1941 года. Неподалеку от Хельсинки удалось отыскать место падения корабля Александра Панфилова и выяснить обстоятельства рокового полета. Девять советских летчиков были вычеркнуты из списков без вести пропавших. Пришедшие после этих публикаций письма читателей позволили продолжить повествование.

ка от Ольги Александровны Борзенко, двоюродной сестры командира корабля Александра Панфилова. Откликнулись и Александра Васильевна Белничкая из Павлова-на-Оке, родная сестра воздушного стрелка Константина Шарыкова. В селе Медведовка Харьковской области живет Петр Федорович Варавя, механик самолета Панфилова, проводивший экипаж в последний полет.

Чтение писем прервал телефонный звонок.

— Вы знаете, от кого я получил сегодня письмо? — сильнейшее волнение чувствовалось в голосе москвича Георгия Васильевича Шепеля, бывшего воздушного стрелка. — Представляете, от Петухова, Коля...

Что тут изволновало фронтовика? Поясним суть дела, касающегося еще одного дальнего бомбардировщика из той же части.

В ночь на 25 августа 1942 года ТБ-7, в котором летели Шепель и Петухов, был сбит в районе Смоленска.

«Я воевал в экипаже майора Лисачева, — написал в «Правду» после нашей публикации Николай Николаевич Петухов, почетный шахтер Донбасса, живущий в поселке Белое Ворошиловградской области. — Той ночью уже при отходе от цели в левую плоскость корабля попал зенитный снаряд, взорвался бензобаки, самолет загорелся и круто пошел к земле. Командир как-то хрипал, чужим голосом командовал: «Все, кто живой, прыгай!» Мой аварийный люк заклинило, тогда я через крыло пробрался в фюзеляж, а там уже бушевало пламя. Прикрыл глаза рукой, дополз до центрального люка и вывалился за борт. В заре пожара после бомбежки увидел вулвы парашютной, семь или восемь. Мной товарищей расстреливали с земли из пулеметов. Трудно сказать, долетел ли кто из них живым до земли...»

— Все точно, — комментирует письмо своего боевого друга Г. Шепель. — Я сидел в корме. Пожар был такой, что пламя до хвоста протянулось. Стреляли с земли сильно. Парашют мой в нескольких местах продирило...

Скитания Шепеля, как, впрочем, и других членов экипажа, по тылам противника записывают отдельные рассказы. Скажем лишь, что вернулся несколько человек. Петухова же сочли погибшим.

А Николаю Петухову страшно не повезло. В конце обесследивший (шутка ли, две недели бродить по лесам и болотам), он нарвался на полянцев. И в лесу, и в лагере. Сафонов на Смоленщине, Вильма, Польша, Югославия,

Италия. В вьезском лагере он познакомился с Федором Поляевым, будущим Героем Советского Союза и национальным героем Итальянской Республики, и Николаем Кочкинским. В июле 1944 года, когда они оказались в лагере близ Генуи, им удалось-таки бежать. Все трое воевали потом в 58-й гарibaldiйской бригаде «Оресте». Поляев и Кочкин — в отряде имени Нино Франки, Петухов — в отряде «Верардо».

Погоди боевые друзья Петухова, когда до конца войны оставалась самая малость. А сам он, среди других наших соотечественников — бойцов итальянского Сопротивления, с помощью советской специальной миссии вернулся на Родину и оказался в Донбассе.

В декабре 1962 года «Правда» опубликовала «Рассказ о подвиге», принадлежащий перу Сергея Сергеевича Смирнова. Писатель, как известно, задался целью раскрыть «тайну Федора Поетана», кавалера Золотой медали за воинскую доблесть — высшей награды Итальянской Республики, естественного иностранца, удостоенного этой почести. Именно письмо шахтера Петухова дало, по свидетельству Смирнова, ключ к разгадке тайны.

Таким, прямо скажем, невероятным образом переплелись несколько судеб.

— До сих пор я был уверен, что все мои сослуживцы погибли, — писал Николай Николаевич в редакцию. — Но знакомые фамилии в тексте зародили сомнения и надежды. Неужели кто-нибудь остался в живых?

Вопрос Петухова мы задавали фронтовикам на их майской встрече в подмосковном городе Жуковском. Петухов? Кто такой? Нет, никак не вспомнить. Тут подошел Шепель: «Кто? Коля? Так он жив?»

...Вот как бывает. Трудно было предположить, но факт остается фактом: бывший воздушный стрелок советского бомбардировочного полка много лет спустя после Победы получил из рук Луджи Лонго почетную награду — гарibaldiйскую звезду.

ЭСТАФЕТА. «С этим самолетом нужно всегда обращаться на «мы», — сказал опытный летчик первого класса гвардии капитан Вадим Шушин, когда мы подошли к ракетососну. — Вспоминаю свой первый самостоятельный вылет. Возвращался, чего скрывать. Да и сейчас, когда садился в кабину, волнуешься. Один генерал, воспитанник нашего полка, нам, молодым, говорит так: «Нужно лететь вперед самолета, на кончике штыря!» Честно говоря, не всем из моей группы, когда мы сюда прибыли, удалось

вылететь на этом типе машин. Не получалось у ребят, и все тут. Психологически к нему нужно готовиться. У меня более или менее гладко пошло. Тут как? Только от земли оторвался и сразу — только небо над головой. И пошел...

В этом самом «пошел» одному из нас представилась возможность убедиться лично. Правда, накануне состоялся ознакомительный «полет» на тренажере, в ходе которого корреспондент «разбился» на третьем развороте. Даже присутствие военного летчика-снайпера гвардии подполковника Виктора Григорьевича Щербина не помогло. Потом провели тренаж в катапультируемом кресле, занятия по кислородному и радиоборудованию. И только после того, как командир полка Татарченко получил твердые заверения в том, что «пассажир» не будет без надобности хвататься за рукоятки и тумблеры, мы поехали к своему самолету.

Взлет был стремителен и крут. Действительно, «пошел» Горизонт словно провалился. Уже за облаками Татарченко отдал штурвал, переломил траекторию. И на этом изломе оказавшись в авесомости, секунд на двести, трудно точно сказать, чтобы вскоре ощутить не очень приятную перегрузку в обратном направлении...

Что и говорить, грозным оружием владеют гвардейцы. Михаил Михайлович Крысин, которого, как бывшего стрелка, познакомил с кабиной, только дняв давался при виде многочисленных пултов, с помощью которых можно пускать ракеты, бомбить и стрелять из оушек.

Различные типы бомбардировщиков осваивал, и надо сказать, в числе первых в ВВС, этот полк после войны. Сейчас на эднем аэродроме грохочут двигателями ракетососны. Нет слов, полк — сложное, не только боевое, но и социальное образование. Поэтому полкратбияк подполковник В. Окрестин и секретарь парткома майор В. Песоцкий в беседах с нами не скрывали трудностей, возникающих порой в повседневной жизни, когда приходится решать разнообразные вопросы и не только военного свойства. Но главное — труятся здесь, не жалея сил. Тут переплелось все — и глубочайшее уважение к боевому прошлому, к «старослужившим», к традициям, и гордость за свое место службы, и стремление хорошо делать важное дело, доверенное народом.

Мы стояли под скромным обелиском, на вершине которого распластал крылья макет фронтового ТБ-7, и председатель совета ветеранов полка А. Заболотский, как бы подводя итог нашей встрече с гвардейской частью, с гордостью сказал:

— В надежные руки передали мы эстафету!

Матти ПЮКЯЛЯ.
(Корреспондент газеты «Тидонантан».)

Алексей ГОРОХОВ,
(Спец. корр. «Правды».)
Н-ский авиагваринзон — Москва.

У ПОСЛЕДНЕГО ПРИЮТА

На сорок шесть долгих лет растаялась их дорога к месту гибели мужей и отцов

3 ноября 1953 года, 25 февраля и 11 августа 1953 года «Правда» опубликовала материалы, посвященные «Без вести...», «Возвращение» и «Гвардейцы». Они были посвящены трагической судьбе экипажа советского бомбардировщика TB-7 (ПЕ-8), входившего в состав

432-го авиационного 81-й авиационной дивизии дальнего действия. 11 августа 1941 года он не вернулся с боевого задания — налет на Бер-

лин. Спустя десятилетия удалось отыскать в Финляндии место падения самолета и захоронение погибших при посадке шестерых летчиков.

Спустя десятилетия удалось отыскать в Финляндии место падения самолета и захоронение погибших при посадке шестерых летчиков.

А. М. Панфилов Г. С. Болобошко А. Г. Гайнудин В. Е. Тوشкин М. В. Шatroв В. М. Станеский

В СЕ лето Финляндию заливали дожди. Но чудом Пола ехали в местечко Лапвирья губернии Уусимаа, что примерно в ста километрах от Хельсинки, будто чья-то могущественная рука мистика каково-то раздвинула угрожающие тучи. Выглянуло солнце, и этот неожиданный подарок природы тутчаскрасил горестные думы.

Потом исторично пробиралась мы—человек тридцать—густым непроходимым лесом. След за тремя советскими женщинами в их детях, ослепленных сорок шесть лет назад. Вслед за 68-летним бывшим сержантом — воздушным стрелком, чудом уцелевшим сорок шесть лет назад при аварийной посадке и потерявшим здесь своих боевых товарищей. Мы же тревожили их лишними разговорами. Сердца этих женщин рвались вперед, в чащобу, но препятствовало дыхание и отказывала нога... Они шли к своим мужьям, шли по земле, ставшей их мужьям в чуждых пределах последним приютом. А в зальных слезах моих глазах стоял сорок шесть лет.

Времена с момента последней правдивой публикации прошло вероятно. Поэтому напомним кратко печальную историю бомбардировщика.

81-я авиационная, в которую вошел сформированный к концу июня 1941-го на базе Научно-испытательного института ВВС и Наркомата авиационности 432-й бомбардировочный полк, подчинялся непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования, Службе командиров четырехмоторных вертолетов, утверждала на самом высоком уровне. Под знаменем вступившего в должность командира Героя Советского Союза М. Водопьянова правили известные испытатели, опытные пилоты поларной авиации и Гражданского Воздушного Флота.

...Рахима Гайнудина работала тогда, как и ее муж, воентехник I ранга Аглям Гайнудин, в ИИИ ВВС. В конце июня, какого-то числа, она не помнит, Аглям позвонил ей и сказал, что срочно вылетает, пока не на фронт, а в город на Волге, где новый полк готовил материальную часть к боевым действиям. Попросил беречь дочурок — Розу и Нанию. Она побежала на аэродром и... опоздала: транспортник уже оторвался от полосы. Пока самолет не скрылся из глаз, стояла молодая женщина у кромки летного поля. С мужем так уже и не свиделась...

Тем временем в Тбилиси старший лейтенант Григорий Болобошко, штурман эскадрильи одного из авиационных Закавказского военного округа, ждал отъезда на свой рейс с просьбой отпустить на фронт. Отмет с назначением в 432-й дальнебомбардировочный полк штурманом корабля пришел быстро. В начале июля он простился с женой Татьяной, с детьми Борисом и Аркадием и отбыл в город на Волге. Навсегда...

Воентехник I ранга орденского Василия Тонкина отозвал из отпуска на второй день войны. На вокзале в Новгороде его провожала жена Ев-

докия. Маленькая Дина шепталась в отцовские плечи... Пошел поезд. Василий поднялся на подножку. Да так и стоял, пока поезд не прогремел на выходящих стрелках, унося его в вечность...

Первый боевой приказ 81-й дивизии — известие о следствии удара по Берлину—был написан на обычном листке бумаги в клетку в ночь на 8 августа 1941 года в Кремле. Подписал его И. В. Сталин. Сидим карандашом.

В ночь на 11 августа с так называемого аэродрома подполковник в Пушкине под Ленинградом полк вылетел на задание. Последним стартовой корабль лейтенанта Александра Панфилова — приказанного из Туркменского управления ГВФ одного из первых пяти летчиков-миллионеров гражданской авиации.

Вскоре после полуночи, предположительно в районе острова Хийумаа, самолет попал под зенитный обстрел, разбился, в 1 час 17 минут 11 августа 1941 года пересек воздушную границу первого округа ПВО Финляндии и в 3 часа 3 минуты потерял крушение в местечке Лапвирья. Погибли и были захоронены местными жителями на месте катастрофы шестеро: командир корабля Александр Панфилов, штурман Григорий Болобошко, оба бортичника — Аглям Гайнудин и Василий Тонкин, носовой стрелок лейтенант Иван Шatroв и бортирщик сержант Василий Станеский. Пилотер попал в плен, вернулся домой двое, в живых сегодня один — бывший бабешный стрелок сержант Крисиан Михайлович.

Письма из Действующей армии.

Татьяна Александровна Болобошко:

«Ваш муж... 11 августа 1941 г. во время выполнения боевого задания пропал без вести. Сказать вам, что он погиб, мы не можем, так как есть десятки случаев, когда наши командиры возвращались с территории, занятой врагом... Мы вместе с ва-

шим разделили тревогу за эту неизвестность. Командир воина полковник Лебедев. Военком полка ст. бат. комиссар Вроггин. 10 октября 1941 г.

Рахима Мухамедовна Гайнудина:

«Получил ваш послужный листок моего мужа... Его самолет вылетел в августе 1941 года на бомбардировку Берлина и не возвратился. О судьбе экипажа до последних дней не было никаких известий... Но на днях книга возвратилась из плена один член этого экипажа. Он рассказал, что самолет был сбит и при падении где-то в Финляндии ваш муж погиб... Вырывать слова невозможно, пусть ваши дети вырастут здоровыми и счастливыми...»

С. Амуров, А. Золотарев, А. Зайцева. 3 февраля 1945 г.

МЫ ИДЕМ и идем лесом... К последнему приюту советских авиаторов... 5 мая 1985 года по инициативе оружейной организации КПФ округа Уусимаа «в знак большой признательности финских коммунистов и всего трудового народа Финляндии советскому народу за его героическую борьбу с фашизмом» здесь был открыт памятник. В свое время читатели «Правды» фронтовики Н. Сокин из Киева, кандидат технических наук Е. Жмуль из подмосковного Фрязина и многие-многие другие предлагали соорудить на месте катастрофы обелиск. Финские друзья осуществили благородную идею. Именно окружком Уусимаа и пригласил ялов, детей летчиков, и члена экипажа бомбардировщика М. Крисиан посетить Финляндию. Организовал поездку и «собрал» делегацию Советский комитет ветеранов войны.

Татьяна Александровна Борис и Аркадий Болобошко приехали в столицу из Витебска. Рахима Мухамедовна Гайнудина и младшая ее дочь Нания — из подмосковного города Фрязино (старшей — Роза — уже, съездив на отцовскую могилу не довелось: кому-то показалось, что она

знает что-то «лишнее»). Михаил Михайлович Крисиан прибыл из Тульской области. В Ленинграде в поезд подосели Тонкин — Евдокья Тимофеевна с дочерью Диней. Нет нужды, наверное, говорить, что мерный стук колес не нес никому из них успокоения. Напротив, по мере приближения к Хельсинки напряжение росло и росло.

Сотни людей у нас в стране и в Финляндии так или иначе оказались причастными к судьбе пропавшего экипажа. Скажем, приказави начальником Главного управления кадров Министерства обороны СССР погибшие летчики были вычеркнуты из списков пропавших без вести. На каждый такой приказ, хоть и подписывал их один человек, «работала» десятка специалистов. Финские друзья заблаговременно превратили в памятник гигантский валун, в который врезался самолет, обнесли захоронение гранитными столбами с именами... Известный скульптор Пентти Ровуали создал мемориальную доску: воплотил в ней идею гамзатовских «Журавлей». Рабочие и инженеры из небольшого городка Карккяла — побратима подмосковной Каширы — отливали эту бронзовую доску. Вот их имена: Карри Лахти, Калев Чурка, Микко Митрунен — коммунисты, члены местного профсоюза металлистов. Прикрепили доску к валуну, непростая была эта работа, Маркус Кайнулайнен и Ауле Сали из Ирвония, Сенто Аалтонен из Туусула и Вяйне Сникконен из Герво...

Не забывают лесную могилу местные жители: Ула Колкка (держит кафе на автобусной станции в Лапвирья), братья Тоюо и Ялмари Баумкисты (занимаются сбором металлолома), Эрик Энкянен (фермер, имеет трактор «Беларусь» и разжигает на тридцатидесяти модели «Жигулей»). Сорок шесть лет назад все четверо оказались свидетелями катастрофы.

ДОЛОГ и непрост оказался путь к этой могиле. Но что может означать в сравнении с безвестностью? Быть может, эта лесная дорога именно такой и представлялась Татьяне Александровне Болобошко в ее вдовьих снах. И лес совсем такой же, как в родные, в Белоруссии. И мысль бегает: «Вот иду на свидание с Гришей, на последнее свидание. Как же долго пришлось этого ждать! Но старые ноги идут ходоком, но боленки будут протрупились. И шепнут губы: «Спасибо людям! И русским, и финнам. Спасибо!»

Идет по финской земле Рахима Мухамедовна Гайнудина. А сердце сжимается, и слезы текут неудержимо. Борются чувства: горечь утраты и утешение оттого, что вышла наконец эту могилу в душевный покой. И руки жмут прикосновения к прохладной земле, украшенной крестом: «Скорее! Скорее! Скорее!»

Сорок шесть лет и два километра лесной дороги... Долгожданная, грустная радость! Их надо пройти, Евдокья Тимофеевна! И вот она, открылась на поск, чтобы пристрасть к своему мужу Василию Тонкину...

Сержант Крисиан... Три с лишним года провела Михаил Михайлович в лагере для воиноплененных под Кемпи, что на севере Ботничского залива, в камполокка. Там же произошло «знакомство» с Финляндией. Едем немого, самая малость долгого пути, и он скажет своему знакомцу последние «прости», низко поклонится им от имени однопленен, фронтовых и тыловых, оставших на сверхзвуковых ракетно-носках.

Председателю окружного КПФ Уусимаа Аарно Ниеминому было девять лет, когда в 1940 году он потерял отца. Спустя пять лет он вместе с матерью найдет место его гибели.

Каждый раз — говорит Аарно — бываю там, я кланюсь, что складываю все возможное, чтобы ни один сын не испытал подобного. Все, что от меня зависит. Война ведь всегда касалась всех. Будь же она проклята!.. Вот и эта встреча. Она запомнится навсегда. Через наши горькие воспоминания мы должны воспитывать последующие поколения. Тяжесть и скорбь войны мы чувствуем на этих могилках. Пусть же эта встреча принесет нам советским гостям успокоение. Пусть всегда будет мир!..

Мы завершаем рассказ об одной малоизвестной странице войны, которой занималась семь лет. Впрочем, завершаем ли? Окончательные итоги ни одной войне подвести невозможно.

Матти ПЮКЯЛЯ. (Корр. газеты «Тиедонанта»). Алексей ГОРХОВ. (Спец. корр. «Правды»). Хельсинки—Москва.

На снимке: (слева направо): Р. М. Гайнудина, Т. А. Болобошко, Н. А. Гайнудина, М. М. Ириски, Е. Т. Тонкина, Д. В. Валетина (Тонкина) у лесной могилы в Лапвирья. Фото Мигуэля Веры (газета «Тиедонанта»).

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМЬЕ БОЛОБОШКО

Я благодарен судьбе, что в 1972 году, после окончания учебы на инженерно-педагогическом факультете Белорусского политехнического института, был распределен в Витебский станкоинструментальный техникум, в котором проработал ровно 44 года.

Первые три года я преподавал черчение и в основном контактировал со старшим из братьев Болобошко, Борисом Григорьевичом, 1933 года рождения, который преподавал черчение и фактически был первым моим старшим товарищем, наряду с Леоненко Лидией Тимофеевной, у которых я перенимал азы преподавания черчения, за что я им благодарен.

Потом мне поручили преподавание спецпредметов по специальности «Машиностроение» в соответствии с квалификацией по диплому. И мне пришлось уже больше общаться с младшим из братьев Болобошко, Аркадием Григорьевичем, 1938 года рождения, с которым у меня сложились дружеские отношения.

Надо отметить, что Болобошко Аркадий Сергеевич, на мой взгляд, был неординарным человеком, талантливым во многих вопросах. Прежде всего во владении преподаванием многих специальных дисциплин машиностроения и инструментального производства. Для него непонятных вопросов не существовало, он владел всеми нюансами спецдисциплин, мог доступно и просто пояснить любые вопросы, неизбежно возникающие в ходе курсового и дипломного проектирования.

Аркадий Григорьевич был эрудированным человеком: начитанным, интересовался вопросами политики, разбирался в искусстве, музыке, театре, кино, был хорошим рассказчиком. Его не надо было просить рассказать о чем-нибудь, достаточно было его слушать, а темы для рассказа возникали сами собой. С ним всегда было интересно общаться, оба брата, Аркадий и Борис, хорошо пели.

В процессе нашего общения возникали вопросы об их семье. После начала Великой Отечественной войны, как семья военнослужащего, мать, Татьяна Александровна, вместе с малолетними сыновьями – Борисом и Аркадием, были эвакуированы в город Тбилиси, а после освобождения города Витебска возвратились домой. Отец, Болобошко Григорий Степанович, был военным летчиком, штурманом бомбардировочной авиации дальнего действия. Вот о его-то судьбе было фактически ничего неизвестно. Письма от отца приходили только в начале войны, потом связь прервалась. Семья была обеспокоена судьбой Григория Степановича. В голову приходили разные версии. Шло время, а о судьбе мужа и отца ничего не было известно. На неоднократные обращения в военные архивы в течении 50-70х. годов XX века приходил один и тот же ответ: «Болобошко Григорий Степанович пропал без вести при выполнении боевого задания».

Я неоднократно разговаривал с Аркадием Григорьевичем о его отце, но ничего не прояснялось. И за несколько дней, до выхода статьи в газете «Правда», возвращаясь с семинара преподавателей из города Орши, мы разговаривали на эту тему. Придя на работу в начале ноября 1982 года, я

встретил Аркадия Григорьевича, и он сказал: «Читай «Правду» за 3 ноября, стала известна судьба отца».

Хотя надежда, что отец может быть жив, исчезла, но наступило облегчение, что он не был в плену, не был предателем и т.п.

Так только спустя 41 год после смерти отца, стали известны обстоятельства его гибели и судьба экипажа ТБ-7, тяжелого бомбардировщика 432-го авиаполка. Корреспондент газеты «Правда» Алексей Горохов и корреспондент финской газеты Матти Пюкяля судьбе экипажа посвятили четыре статьи (последняя от 26 октября 1977г.).

Естественно, Болобошко Аркадий Григорьевич связался с Алексеем Гороховым, ездил в город Москву, встречался с ним, благодарил, потом с теплом вспоминал о встрече с корреспондентом.

Так как в то время была тесная, действенная связь между КПСС и компартией Финляндии, то удалось организовать поездку сыновей и жены (в то время еще жива была Болобошко Татьяна Александровна) в 1987 году на могилу погибших летчиков. Потом еще несколько раз члены семьи Болобошко, в том числе и внуки, посещали могилу Болобошко Григория Степановича.

Судьба Болобошко Г.С. является подтверждением лозунга «Никто не забыт, ничто не забыто». Судьба Жены Григория Степановича тяжела: рано стала вдовой, второй раз замуж не выходила, воспитывала и дала возможность получить образование сыновьям; работала по специальности библиотекарем, с середины 60-х годов проживала с семьей Болобошко Аркадия Григорьевича. Ушла из жизни в 1995 году.

Болобошко Борис Григорьевич закончил Витебское художественно-графическое училище. Кроме преподавания черчения, увлекался живописью, писал картины. В Витебском станкоинструментальном техникуме работал с 1967 по 1992 год. Умер 6 января 2022 года.

Болобошко Аркадий Григорьевич закончил Ленинградский военно-механический институт по специальности «Ракетные двигатели», работал в городе Пермь на предприятиях оборонной промышленности, потом с семьей переехал на родину в город Витебск, где работал в СКБ ЗШ и ЗС, а затем с 1967 по 1989гг., с 1992 по 1993гг. и с 1999 по 2011 гг. работал преподавателем станкоинструментального колледжа. Умер 6 июня 2020 года.

Как-то в беседе со мной Аркадий Григорьевич сказал, что ему надо долго жить, чтобы обеспечить приемлимые условия жизни для Сергея. Но в жизни не всегда достигается то, что планируется. Сергей умер в начале 2022 года, т.е. прожил после смерти отца полтора года и самостоятельно.

Сын Аркадия Григорьевича, Сергей, после окончания Ленинградского института железнодорожного транспорта работал в Ленинграде. Был женат, имел сына. Но в начале 2000-х годов он перенес тяжелый инсульт, работать не мог, получил инвалидность, жена с ним развелась и в 2009 году Сергею пришлось перебраться в город Витебск к отцу. К этому времени жена Болобошко Аркадия Григорьевича уже умерла (в 2007 году). И хотя Сергей был адекватным человеком, мог свободно перемещаться по городу, но за ним требовался уход, приготовление пищи. Все это легло на плечи Аркадия Григорьевича.

В станкоинструментальном техникуме работал с 1972 года по 1997 год и третий Болобошко, Сергей Федорович, двоюродный брат Бориса и Аркадия. Выполнял обязанности зав. практикой и преподавал «Техническое нормирование». В поэме, написанной преподавателем русского языка и литературы Буткевичем Сергеем Сергеевичем в 60-х годах XX века, известной в основном преподавателям того времени и посвященной всему преподавательскому составу, есть такая строка: «В каждом окошке – по Болобошке».

Болобошко Аркадий Григорьевич был достойным, честным человеком и гражданином, нетерпимым к фальши и несправедливости. Выпускники техникума всегда тепло отзывались и уважали Аркадия Григорьевича как преподавателя.

В дополнение к статьям в газете «Правда» я счел необходимым ознакомить читателей хотя бы с некоторыми фактами жизни семьи Болобошко.

Какой вывод напрашивается после прочтения статей, напечатанных в газете «Правда» в 1982-1987 гг. и посвященных судьбе экипажа одного из 100 тяжелых бомбардировщиков 432-го авиаполка

Семье Болобошко очень повезло, что так, можно сказать, неожиданно, хотя и через 41 год, прояснилась судьба мужа, отца и деда. А ведь среди ваших знакомых сколько еще встречается семей, для которых судьба, погибших или пропавших без вести родственников, до настоящего времени неизвестна. И даже постоянная работа поискового батальона вооруженных сил Беларуси (о службе в котором рассказывал выпускник ВСИТа Беслемешев Иван, впоследствии работник станкоинструментального колледжа) и самоотверженный, часто неизвестный общественности, труд отдельных поисковиков-энтузиастов, к которым относится и член Совета нашей ветеранской организации колледжа Бруева Лариса Наумовна, позволяют выявлять сведения о месте гибели или захоронения лишь десятков, может быть сотен людей, находившихся среди без вести пропавших. А ведь с каждым годом становится все сложнее и сложнее выяснить судьбу погибших. Потому хочется сказать поисковикам; «Большое спасибо!» и низко им поклониться. Кстати, с Бруевой Ларисой Наумовной я знаком с 70-х годов XX века, и она все время занимается поисковой работой.

С уважением к членам семьи Болобошко
Милевич Збигнев Константинович.

30.05.2022 года